

Н.В.Сафронова

ПРОБЛЕМНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СБОРНИКА «СЕТИ»
М.КУЗМИНА

Кузмин писал легко и писал немало. Тринадцать сонетов ("Открыто царское письмо...", "В густом лесу мы дождь пережидали...", "Запел петух, таинственный предвестник..." и др.) [5;594-600] кончаются по-шекспировски – двумя смежно зарифмованными строками. Эти сонеты (один из первых его литературных шагов) – малообещающие, немного неряшливы языком и полны шаблонов. Неумелостью отличаются также белый стих и терцины "Зелёного сборника стихов и прозы", действие драматической поэмы которого развёртывается в Италии, на Среднем Востоке и в Египте во времена крестовых походов. В этой ребячески наивной истории человека, который всё видел и ничему не отдал сердца, есть отзвуки Гёте, Байрона и маленьких трагедий Пушкина, и многое предвосхищает "знакомого" Кузмина: западная ориентация, эротизм, песенки, элементы воспитательного романа.

Скандалную известность Кузмину принёс в 1906 году роман "Крылья", на пути же к первому большому поэтическому успеху "Александрийских песен" (четвёртая часть сборника "Сети") – сначала в июле 1907 года одиннадцать стихотворений в журнале "Весы", потом ещё четыре стихотворения, в том же году, в альманахе "Корабль" и книга "Куранты любви", которые хотя и вышли в 1910 году, но известными стали в артистических кругах Петербурга года на три раньше. Собственно говоря, это "либретная" поэзия, слова к музыке, но кузминский "почерк" в них всё же заметен (образы любви, юношей, девушек, амуров, причудливая строфика и строго продуманная композиция).

Название первой большой книги стихов Кузмина, "Сети", лучше всего объясняется в другой его книге стихов "Куранты любви":

Любовь расставляет сети
Из крепких шелков;
Влюблённые, как дети,
Ищут оков.

[4;115]

Редко какой поэт уже в первом сборнике так разнообразно и своеобразно показал себя. Книгу обычно отождествляют с первым стихотворением её первого цикла "Где слог найду", которое для современников прозвучало своеобразным откровением. И это, действительно, манифест, декларация. Здесь весь Кузмин. Тут и "плеск тел" (почти наверняка молодых и мужских), который позднее просто растащут по цитатам, и любимый Кузминым 18 век, который виден сквозь имена и названия (Мариво, "Свадьба Фигаро", Пьеро), которые размечают основные интересы и увлечения Кузмина: французская проза, музыка, театр. Здесь же и ещё более растасканная по цитатам "весёлая лёгкость бездумного житья" и, конечно,

любовь. И так, не без оснований можем назвать данное стихотворение концентрацией основных идей кузминской поэзии.

Что касается средств выразительности, рассматриваемое стихотворение насыщено прилагательными (которые, как известно, многие поэты презирают). Одни прилагательные в простом перечислении создают картину: "сладостный", "нежный", "лукавый", "манящий", "милый", "звонящая", "капризное", "прелестный", "воздушный", "нежащий", "душный", "весёлый", "бездушное", "послушный". Создаётся атмосфера отдачи, лёгкости, влюблённости. Почти все эти прилагательные потом повторяются в книге - но Кузмин не боится их повторения, даже в одном и том же стихотворении: "весёлый" дважды встречается в "Где слог найду", а "милый" в "Моих предках" – трижды. Впрочем, "милый" рассыпан по всему сборнику в одуряющем изобилии: "милый взор", "милых мелочей", "милой резвости", "о тех, кто мне милы", "о, мои милые, мои друзья", "милых уст", "милый друг всё снится мне", "неверных милых глаз", "плен нам мил", "милый спутник", "милый хрупкий мир загадок" и так далее.

Вопрос в начале стихотворения ("Где слог найду") – риторический; всем стихотворением Кузмин показывает, что он этот слог нашёл, – в перечислительной описательности, в лёгкой аллюзии "культурных" сравнений второй строфы и, наконец, в третьей строфе, где всё резюмируется, хотя загадочные эпитеты ("послушные чудеса") несколько нарушают мнимую ясность концовки. Но Кузмин редко бывает ясен до конца даже в, казалось бы, самых ясных стихах.

Стихотворения о любви, написанные Михаилом Кузминым, повествуют главным образом (хотя и не исключительно) о любви гомосексуальной. "Это единственная в России первоклассная поэзия на эту тему", [1;47], и не случайно её появление в период, когда отпадали многие литературные табу. Правда, не Кузмин был в этом отношении Колумбом, а, пожалуй, Пушкин ("Отрок милый, отрок нежный"). В своё время гомосексуальные стихи Кузмина шокировали современников, и хотя коллеги-литераторы приняли его с восторгом в таком амплуа, журналисты и газетчики второй половины 19 века приходили в ужас, и кое-кому из них Кузмин казался неким "исчадием ада" [2;132]. О нём говорили: "...поэт полового извращения", "половая провокация", "идеализация скотоподобия", "...кощунственная кисть Кузмина не дрогнула..." [8;52-68]. Сам же Кузмин относился ко всем "крикам" такого рода очень спокойно и писал в "Крыльях" ("Сети"): "Только циничное отношение к какой бы то ни было любви, делает её развратом". Мы находимся в лучшем положении: гомосексуальная литература уже утвердилась и достаточно разнообразно себя показала, и нам легче непредвзято присмотреться к Кузмину. Прежде всего, у него поражает свобода, с какой он преподносит саму тему: нет "проклятости", вызывающей позы, афиширования, "постановки проблемы". Говоря просто, Кузмин и не наводит тень на белый день, и не тычет в глаза. В его стихах это самая

естественная вещь на свете, не нуждающаяся в теоретической защите. Результат получается неожиданный: почти все гомосексуальные стихи Кузмина могут читаться как стихи о любви мужчины к женщине. Необходимо подчеркнуть, что Кузмин не писал свои стихи для публики, славы, критики, он просто изливал душу, доверял мысли и чувства бумаге, не прячась и не жеманничая, не боясь общественного мнения, порицавшего его взгляды. Любовь Кузмина – чувство прекрасное, приличное, приятное, как чувство чистой любви мужчины к женщине (любовь к женщине тоже описана у Кузмина не менее прекрасно – томное ожидание Аманды в "Вечере", счастье с Надиной в "Любви утехах", признание в любви к Юлии в "В саду" и так далее). Кроме того, укоры критики в адрес Кузмина по поводу темы гомосексуальной любви просто нелепы, некорректны и в высшей степени несправедливы. Ведь никому не дано право судить, любить ли стиль барокко или строгую классику, чёрное или белое, мужчину или женщину, тем более, что изливания души вообще не подлежат ни обсуждению, ни критике.

Кузмин не навязывает никакой точки зрения. Но как бы читатель не воспринимал эту поэзию, он всегда согласится, что это стихи удивительной лёгкости и разнообразия. Отсутствие страдания в любви – не совсем русская черта (хотя у Кузмина есть примеры и обратного – Федра в "Параболах" как возможный код античности). Что же касается разнообразия, то это не только целая типология поцелуев в стихотворении "Ах, уста...", не только большой диапазон от так называемой "пряной" эротики "любви ночей" [3;38] до любовной духовности и просветлённости, но и, подчас, еле уловимые связи гомосексуальной темы с темами другими, например, Александрии ("Александрийские песни"). В этом, безусловно, коды античности и романтизма, а подчас потрясающая описательность отдаёт акмеизмом.

Итак, поэт отображает в своих стихах любовь преимущественно гомосексуальную. Нельзя не обратить внимания на предельную сдержанность, с которой Кузмин пишет о волнующей его проблеме: в стихах нет ничего пошлого, ни одного скабрезного эпизода, никаких нечистых деталей. В. Марков писал: "Кузмин без труда делает своё частью универсального, и потому его гомосексуальные стихи читаются как стихи о любви вообще, тогда как другой на его месте "революционно" размахивал бы красной тряпкой педерастии перед носом ошеломлённого читателя" [6;31]. Поэт, действительно, этого не делает. Любовь Кузмина сдержанна и отличается внутренним целомудрием, при всей определённости и силе переживания. "Любовь Кузмина – тихая, музыкальная, как бы лунная. Она вся – в трепете ласковых предчувствий, она – ожидание нежности", – писал начинающий критик и впоследствии известный литературовед П.Н. Медведев [7;15].

В итоге, можем сделать вывод, что выражение любви, в частности, гомосексуальной – основная тема сборника "Сети".

Рассмотрим композицию сборника "Сети", сюжетность, кузминские принципы разделения книги стихов на части, переходы от стихотворения к стихотворению, от раздела к разделу.

У Кузмина и его современников сборники строились тщательно, и их "компоновка" редко была случайной.

Композиция сборника "Сети" следующая:

– внешняя композиция: сборник состоит из четырёх частей:

- 1) "Часть первая";
- 2) "Часть вторая";
- 3) "Часть третья";
- 4) "Александрийские песни".

– внутренняя композиция: тип повествования сборника – нарративно-описательный, система образов следующая: "я" (лирический герой), поводырь (вожатый, проводник, пастырь), а также образы пути (любовного, духовного, жизненного), чистилища, любовников (мужчин и женщин).

На первый взгляд кажется, что любовные циклы в "Сетях" расположены, в основном, хронологически и отражают последовательность увлечений и романов поэта в "реальной жизни" с июня 1906 года (знакомство с Сомовым) до 1908 года (довольно беспорядочные интимные связи), (Кузмин – поэт датирующий) – и только в конце пристёгнуты "Александрийские песни". На самом деле всё гораздо стройнее.

Итак, принцип композиции "Сетей" следующий: хронологическое нанизывание сочетается с почти дантовской архитектурой, (причём Данте – не брошенное имя, Кузмин хорошо знал его поэзию). От Данте и троичность построения: первые три раздела (эти три части не имеют специальных названий, а названы "Часть первая", "Часть вторая" и "Часть третья") делятся каждый на три:

- 1) "Любовь этого лета", "Прерванная повесть", "Разные стихотворения";
- 2) "Ракеты", "Обманщик обманувшийся", "Радостный путник";
- 3) "Мудрая встреча", "Вожатый", "Струи".

Заметно постепенное восхождение в этих трёх разделах от плотского к духовному.

Первый раздел книги заполнен романами поэта (в прямом смысле) и стихами на случай, но уже второй отличается существенным образом: он начинается неавтобиографическим циклом "Ракеты", после чего идёт "Обманщик обманувшийся", цикл автобиографический и переходный. В этом разделе лирический герой (появляется впервые, он представлен образом "я" самого поэта) переживает любовь в очередной раз, после чего у него наступает просветление и он, как бы вступает в чистилище (образ новый и, скорее всего, дантовский) – и это новое чувство господствует в цикле "Радостный путник".

Роль вожатого во втором разделе (появляется он в первом цикле второго раздела) – велика. По жизненному пути он ведёт лирического героя постоянно,

проходя с ним определённые этапы его жизни (любовные приключения, духовные искания, сомнения), поэтому можно говорить о том, что путь лирического героя с вожатым – тоже составляющая композиции, второго раздела в частности. "Радостный путник", в свою очередь, является переходом к третьему разделу книги, в котором идея сетей в первоначальном значении преодолевается. Не случайно, например в "Радостном путнике" появляется впервые "любовь" с большой буквы.

Итак, сюжетность – важная черта лирики Кузмина на всём её протяжении; поэт знал цену прологу и эпилогу, а говоря о своих стихах, не раз называл их "повестью" и видел в них "главы" [5;101].

Можно также сделать вывод, что план "Сетей" – эволюция от чувственных наслаждений к свободе и одухотворению с помощью таинственного вожатого (это также план многих его романов – "Крылья", "Нежный Иосиф", "Тихий страж").

Критики, для которых Кузмин – "разговорный" поэт "мелочей" [8;103], всегда со смущением умолкали, подходя к третьему разделу "Сетей". В этих стихах нет каждодневных деталей, нет дневникового качества. От моментальной фотографии поэт вдруг переходит чуть ли не к иконописи. В этих стихах нельзя найти "весёлой лёгкости бездумного житья". Мало в них и "прекрасной ясности". Зато мелькают малоконкретные, но всегда религиозно окрашенные образы брата, гостя, жениха, милого, а также риз, ладана, свечей, кельи, лампады, молитвы. К ним нужно прибавить символы розы, весов, крыльев, зеркала, покоя, света, воскресения, чистоты, рая, жертвы (религиозный культ), (Кузмин придерживался религиозных воззрений старообрядцев). Поэтика стихов третьего раздела – чисто символистская, отчасти даже напоминающая Блока (или раннего Клюева). Невнимание большей части критиков (которые далее "Где слог найду", как будто, и не читали), объясняется, может быть, просто тем, что Кузмин как "без пяти минут акмеист" слишком утвердился в их сознании.

Центральный образ стихов третьего раздела "Сетей" – вожатый (образ вождя – поводыря – водителя идёт через все стихи Кузмина). Он – герой и образ, он – концепция человека, он – сквозной герой и как следствие – часть сюжетности.

Вожатый, поводырь, вождь ведёт в путь. Образ пути, как и образ вожатого, безусловно, символистичен и традиция эта ведётся, естественно, от символизма, хотя символистом (в полном понимании данной школы) Кузмин никогда не был.

Итак, образ вожатого, поводыря – сквозной и проходит через всё творчество Кузмина красной нитью, хотя везде он разный. Например, в "Сетях":

И руку взявши, как вожатый,
 Меня повлѣк во след тебе...

Здесь "вожатый" ведёт героя-автора по пути любовных утех, выбирая

для него партнёра и увлекая его за ним.

Чья рука нас верно водит...

В данном случае мы видим только "руку" ведущего, но зато она ведёт уже не только автора и не по пути любви, а по жизни в общем.

Мудро нас ведёт рукою...

[3;28-63].

Из данной цитаты узнаём, что пастырь - мудр и его руководство в жизни тоже мудро.

В доказательство сказанного о том, что образ поводыря – сквозной в творчестве Кузмина рассмотрим также несколько примеров из сборника "Глиняные голубки": Куда ведёт, смеясь весёлый, Влюблённый в солнце поводырь.

Теперь идейно-художественное содержание образа поводыря – абсолютно другое. Он – жизнерадостный, весёлый, озарённый солнцем, и речь, конечно же, идёт о пути любви, развлечений и жизни, но жизни весёлой, интересной, не серой.

... Когда вождём мне послан ты.

Поводырь приобретает очертания, автор указывает уже на конкретную личность, якобы посланную ему свыше для руководства на жизненном пути.

Ведёт нас при любой погоде

Любовь – наш вечный рулевой.

[4;95-120].

Здесь поводырь – любовь, поводырь постоянный, вечный и один для всех. Заметим, что пересечение темы любви и образа поводыря довольно часто происходит в произведениях Кузмина. В результате, можем ещё раз оценить значение любви для писателя, которую он даже называет поводырём на жизненном пути.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ пути (любовного, духовного, душевного) ярко выражен у Кузмина, и по этому пути идут двое: лирический герой ("я", под которым автор подразумевает себя) и поводырь (пастырь, вожатый, проводник), который ведёт и направляет лирического героя. И этот путь двоих – слагаемое композиции, так как именно на этот путь как бы "нанизываются" остальные события, происходящие в циклах.

"Александрийские песни" составляют четвертую часть "Сетей". Кузмин знал, что делал, когда поставил в самом конце этот раздел, состоящий в целом из стихов, хронологически предшествующих почти всей остальной книге. На самом деле, это финал большой симфонии, где прежние темы и мотивы звучат вновь, объединяются, приобретают универсальность и где преодолевается первоначальная лирическая автобиографичность книги. "Милые хрупкие вещи" "Александрийских песен" заставляют вспомнить "милый хрупкий мир загадок" "Ракет", гомосексуальная тема и тема эфемерности (любовник утонул молодым) объединяются.

"Весёлая лёгкость бездумного житья", ушедшая было в третьей части, опять начинает отчётливо звучать, но она также напоминает то, что лишь "изменчивость неизменна".

Александрия, которую Кузмин увидел ещё до того, как стал поэтом, имела исключительное значение для его творчества. Кузмин настолько сжился с Александрией, что 2–3 век его стихов можно принять за современность. Видимо, его особенно пленила своеобразная смесь расцвета и упадка в культуре этого города. Вот почему гимновые и хоровые места в "Александрийских песнях" сопровождаются мотивами смерти и разорения из-за минутной любви.

Итак, можно сделать вывод, что сюжетность и композиция – важные черты сборника "Сети". Всё в нём строго продумано и выстроено логически. Наблюдаем чётко очерченную внешнюю и внутреннюю композицию, частичную троичность построения, постепенную эволюцию от чувственных наслаждений к свободе и одухотворению с помощью таинственного вожатого, который является сквозным образом, и который ведёт лирического героя (сам автор) по жизненному пути. Всё находится в тесной связи. Кроме того, у сборника есть пролог и эпилог.

Литература

1. Волошин М. Лики творчества. – Л., 1988. – 520с.
2. Горбачев Г.В. Очерки современной русской литературы. – Л., 1925. – 298с.
3. Кузмин М.А. Избранные произведения / Под ред. Т.И. Шмакова. – Л., 1990. – 573с.
4. Кузмин М.А. Стихи и проза. – М., 1989. – 430с.
5. Кузмин М.А. Стихотворения / Под ред. Кушнер А.С. и др. – Спб.: Академический проект, – 1996. – 830с.
6. Марков В.О. О свободе поэзии. – Л.: Изд-во Чернышева, 1994. – 204с.
7. Медведев П.Н. Арабески. М. Кузмин «Осенние озера» // Новая студия. – 1912. – №9. – С.14-25.
8. Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе. – Л.: СПб, 1909. – 164с.

Аннотация

Статья посвящена проблеме изучения проблемно-композиционного анализа сборника М. Кузмина «Сети». В работе рассмотрена основная тематическая доминанта сборника, проблематика, композиционные особенности, сюжетная направленность. Проанализированы части, определена внешняя и внутренняя композиция, выявлена скандальность тематической направленности сборника. Изучены точки зрения критиков.

Ключевые слова: доминанта, сюжет, внешняя композиция, внутренняя композиция, образ, поэтика.

Анотація

Стаття присвячена проблемі вивчення проблемно-композиційного аналізу збірника М. Кузьміна "Сети". У роботі розглянута основна тематична домінанта збірника, проблематика, композиційні особливості, сюжетна спрямованість. Проаналізовано частини, визначена зовнішня і внутрішня композиція, виявлена скандальність тематичної спрямованості збірника. Вивчено точки зору критиків.

Ключові слова: домінанта, сюжет, зовнішня композиція, внутрішня композиція, образ, поетика.

Summary

The Article is dedicated to the problem of the study the problem-compositional analysis of the collection of the poems of M. Kuzmina "Сети". In work is considered main thematic dominant collection, problem, compositional particularities, plot directivity. The analysed parts, is determined external and internal composition, is revealed scandal thematic directivity of the collection. The studied the critics' point of view.

Keywords: dominant, subject, external composition, internal composition, appearance, poetics.